

© 2011 г.

Р.А. МЕДВЕДЕВ

ВИЗИТ М.С. ГОРБАЧЕВА В ПЕКИН В 1989 году

Крушение КПСС и распад Советского Союза вызвали не только озабоченность, но даже тревогу в руководящих кругах КНР и КПК. И во время моего первого посещения Китая в 1992 г. и во время второй поездки в Китай в 2002 г. тема “исторического краха КПСС и СССР” и “Уроков распада Советского Союза” была главной темой многих из встреч и выступлений в том числе и на очень высоком уровне. Было очевидно, что мало кто из лидеров КПК оплакивал Советский Союз, однако его столь быстрое разрушение явно озадачивало китайскую элиту. В истории самого Китая несколько раз происходил распад единого государства, а времена смуты и даже внутренних войн продолжались годами, нанося огромный ущерб стране и народу. Опасность разрушения государства возникла в КНР и в 1976–1977 гг. после смерти Мао Цзэдуна. Укрепление единства страны и государства было одним из приоритетов политики Дэн Сяопина и второго поколения лидеров Китая в 1978–1988 гг. Этой задаче должна была служить и нормализация отношений между КНР и СССР, которые начали ухудшаться еще после XX съезда КПСС в 1956 г. и достигли крайней остроты в 1979–1980 гг., когда и Советский Союз и Китай развернули вдоль советско-китайской границы крупные военные группировки.

Еще во второй половине XIX века Российская империя вынудила Китай к подписанию ряда неравноправных договоров, а позднее ввела свои войска в Маньчжурию. Однако, с другой стороны, пробуждение национально-освободительной и революционной активности в Китае в 1911–1920 гг. очевидным образом было связано с революциями 1905–1907 и 1917 гг. в России. Китайская коммунистическая партия была создана в 1921 г. при поддержке РКП(б) и Коминтерна, эта партия приняла в качестве своей идеологии марксизм – ленинизм, и ее устав был близок к уставу РКП(б). После победы в гражданской войне новое китайское государство – КНР создавалось во многих отношениях по образцам и моделям Советского Союза, а не по каким-то демократическим моделям. При Мао Цзэдуна это было тоталитарное государство. Дэн Сяопин призвал коммунистов Китая “раскрепостить сознание”, он требовал проводить политику “открытости”, однако и в 1980-е годы Китай оставался авторитарным государством. Демократические модели западных стран не подходили к условиям такой большой и все еще очень бедной и отсталой страны, как Китай.

События, которые происходили в СССР после смерти И.В. Сталина, стали очень трудным испытанием для КПК, где также существовал режим культа личности, – и не только Мао Цзэдуна, но и Сталина. Китайские лидеры не одобрили решений как XX, так и XXII съездов КПСС, и идеологический конфликт между КПСС и КПК развивался крайне болезненно. Портреты отцов-основателей марксизма-ленинизма, которые можно было видеть в Китае, оставались без изменений – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдуна. И во времена Хрущева и во времена Брежнева Советский Союз уже никто не называл в Китае “старшим братом”, это была теперь страна, в которой возобладали

Медведев Рой Александрович – историк-публицист, автор многих исторических и научно-популярных книг.

“ревизионизм”, “оппортунизм” и “гегемонизм”. СССР стал теперь не только “врагом Китая”; иногда его объявляли “врагом № 1”.

Отношения между Советским Союзом и КНР начали меняться только с 1985 г. Инициатива исходила как от нового лидера КПСС М.С. Горбачева, так и от китайского руководства и лично от Дэн Сяопина. Надо сказать, что советская печать уже в 1983 г. перестала публиковать грубые антикитайские материалы, и о Китае писали теперь снова как о “социалистическом”, а не “социал-империалистическом” государстве. Китайская печать начала писать об СССР как о социалистическом государстве, почти не упоминая таких терминов, как “гегемонизм” и “социал-империализм”. Не прошло незамеченным в СССР и ускорение развития экономики КНР и расширение его экономических связей со странами Запада. Новые руководители СССР не раз говорили в 1985 г. о своей готовности изменить к лучшему советско-китайские отношения. В большой речи Горбачева, которую он произнес в июле 1986 г. во Владивостоке, можно было прочесть такие слова: “Хочу подтвердить: СССР готов в любое время и на любом уровне обсудить с Китаем вопросы по созданию обстановки добрососедства. Советские люди с пониманием воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель – модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа. У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные – ускорение социально – экономического развития. И почему бы не поддержать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом. С удовольствием отмечаем, что намечился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как “водная преграда”. Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно рассматривается. А официально граница могла бы проходить по главному фарватеру”¹.

Горбачев сделал не только важное заявление о готовности признать главный фарватер пограничных рек линией между СССР и Китаем. Он сказал также о готовности СССР содействовать в строительстве железной дороги между северо-западными районами Китая и Казахстаном, о готовности сотрудничать с Китаем в космических исследованиях и подготовке космонавтов, о расширении связей в области культуры и образования.

Разнообразные переговоры и консультации проводились между Китаем и СССР в 1986–1987 гг. Китай и Советский Союз обменивались большими торгово-экономическими выставками. Начал восстанавливаться обмен студентами, укреплялись научные контакты. В Китае начали проводить демонстрацию советских кинофильмов. Особенно большой успех имели фильмы “Белорусский вокзал”, “Экипаж”, “А зори здесь тихие”. Последний фильм стал событием в китайской культурной жизни. В Пекине была поставлена опера по мотивам этого фильма. Позднее китайцы сняли еще раз весь этот фильм, но с китайскими артистами. Был снят и многосерийный фильм по мотивам романа “Как закалялась сталь”. Советская культура снова становилась популярной в Китае. Однако китайское руководство в это же время не поддержало лозунга и призыва Горбачева к “новому мышлению” и к “гласности”. Та массированная атака на марксизм и ленинизм, которая как бы стихийно стала проводиться в СССР в рамках политики “гласности”, не нашла ни поддержки, ни понимания в Китае.

В самом начале 1988 г. в Советский Союз прибыл с визитом министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь. Он встречался не только со своим советским коллегой Э.А. Шеварднадзе, но и с Горбачевым. С ответным визитом в Китай вскоре вылетел и

¹ Известия, 29.VII.1986.

глава МИД СССР Шеварднадзе. Главной темой этих переговоров была подготовка к встрече в верхах – таких встреч у СССР и КНР не было уже несколько десятилетий.

Наиболее важной в рамках начавшихся переговоров стала встреча Шеварднадзе и Дэн Сяопина, которого в Китае называли обычно просто “председателем”. Он говорил образно, но также очень ясно: “Покончить с прошлым, открыть будущее – такая задача стоит перед нами, – говорил он. – Это чрезвычайно трудная задача, потому что она затрагивает сложные вопросы. Многие из них относятся к прошлому, поэтому, решая их, надо знать прошлое. Но это не означает, что надо ворошить его. Надо знать, помнить, учитывать его уроки, чтобы идти вперед. Главное – открыть будущее.

Как я понимаю, именно наша встреча с советским руководством должна решить эту задачу”. (Из архива автора).

Государственный визит Горбачева в Китай был назначен на май 1989 г. Как раз весной 1989 г. внутривластная обстановка в Китае и особенно в Пекине стала усложняться.

* * *

В мою задачу не входит подробное изложение и анализ событий весны и лета 1989 г. в Китае и особенно в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Однако о некоторых деталях этих событий, которые не были поняты и правильно оценены ни советским руководством, ни тем более, западными политиками и экспертами, следует сказать.

В Китае в период с 1979–1989 гг. проводилась активная модернизация по разным направлениям – в экономике и сельском хозяйстве, в армии и в системе образования. Однако общая система власти и роль Коммунистической партии Китая и Народной армии в стране не подвергались сомнению.

Успехи проводимых в это десятилетие реформ были очевидны, валовой внутренний продукт Китая увеличивался на 9–10% в год, и положение дел в стране явно улучшалось. Однако все еще сохранялись разного рода диспропорции. Экономическое развитие в разных провинциях было неодинаковым, а рыночные реформы сопровождалось ростом коррупции и злоупотреблений. Происходила дифференциация в обществе, и в городах, и в деревне появились группы богатых или “новых” китайцев. Эти процессы порождали недовольство в обществе и особенно в молодежной среде. Очень большое влияние на общественные настроения в Китае оказала и “горбачевская” перестройка в СССР. Многие в Китае видели только позитивные стороны этой перестройки и не замечали возникших в СССР громадных рисков и угроз, о которых предпочитали не говорить и в окружении самого Горбачева. Однако по разным каналам на молодежные группы и на студенческие течения оказывали влияние и западные страны. В Китае быстро росло и формировалось в молодежной среде либерально-демократическое движение, которое выдвигало на первый план западные ценности. У этого движения появились и свои неофициальные вожди. Одной из наиболее влиятельных фигур среди пекинской молодежи была аспирантка Пекинского университета с факультета психологии Чай Лиин. В сущности, в Китае началась подготовка “бархатной” или “оранжевой” революции. Для ее успеха нужно было мобилизовать большие массы молодежи вокруг какого-то важного политического события, а также организовать какие-то массовые беспорядки. Никто не призвал к вооруженному выступлению против режима. Однако закулисные манипуляторы этих отнюдь не стихийных событий даже мечтали о пролитии крови. “Только тогда, когда площадь Тяньаньмэнь умоется кровью, – говорил один из лидеров студенчества американскому журналисту Ф. Каннингэму за месяц до введения войск, – только тогда китайский народ прозреет”.

Различного рода несанкционированные манифестации в Пекине и в первую очередь на площади Тяньаньмэнь начались еще в апреле 1989 г. При этом в Пекин все время приезжали группы студентов и молодежи из других городов. Устанавливались контакты и с солдатами пекинского гарнизона. Было очевидно, что готовится какая-то акция. Однако в Политбюро ЦК КПК не слишком ясно понимали, как реагировать на происходящие события и что происходит в обществе. Как раз в это время проходила

активная подготовка к визиту в КНР Горбачева, и в нелегальном молодежном штабе было решено приурочить основные выступления именно к этому визиту.

Визит Горбачева в Китай являлся крайне важным международным событием, который должен был означать примирение двух самых крупных коммунистических государств и также КПСС и КПК. Хотя сценарий этого визита был составлен заранее, никто не исключал разного рода неожиданных поворотов. Для освещения визита в Пекин прибыло более 1000 журналистов и разного рода экспертов из всех стран.

Многие события этих недель происходили спонтанно, и их трудно было прогнозировать. Первой “репетицией” “оранжевой” революции в Китае стали похороны Ху Яобана, одного из лидеров КПК, который еще в 1981 г. был, по рекомендации Дэна Сяопина, избран на пост Генерального секретаря ЦК КПК. Он был активным поборником реформ и “открытости”, однако через несколько лет у него возникли разногласия с Дэн Сяопином и в 1987 г. он был снят со своего поста – при официальной формулировке “за потворство буржуазным тенденциям и западному влиянию”. Однако Ху Яобан остался членом ЦК КПК и принимал участие в пленумах ЦК. Пленумы ЦК проходят в закрытом режиме, и как раз во время одного из таких пленумов, проходивших в апреле, Ху Яобан неожиданно умер от сердечного приступа. Смерть Ху Яобана стала тогда первым толчком к массовым демонстрациям китайской молодежи, которые проходили под лозунгами предоставления в стране свободы слова (“гласности”) и политических реформ. На площади Тяньаньмэнь начали собираться десятки тысяч молодых людей. Сменяя друг друга, они не расходились до середины мая, когда должен был состояться визит Горбачева. В центре площади – у монумента народным героям образовался штаб студентов. Началось и формирование студенческих дружин. Шла активная организация огромных масс студенчества и молодежи, и власти КНР постепенно утрачивали контроль за положением дел на главной площади Пекина и прилегающих к ней улицах.

Хотя в советской печати почти ничего не говорилось, несмотря на гласность, о событиях в Пекине, в окружении Горбачева внимательно анализировали происходившие события. Возникло даже предложение отложить намеченный на 14–20 мая визит Горбачева в Китай. Однако после переговоров с руководством Китая было решено провести визит в оговоренные заранее сроки и по составленному сценарию.

Этот сценарий предполагал, что торжественная встреча российского лидера пройдет в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь – там, где находится флагшток с главным флагом КНР и стоял круглосуточный почетный караул солдат НОАК. Однако события, происходившие в Пекине, вышли из-под контроля китайских властей еще тогда, когда самолет с советской делегацией находился в воздухе. Советская делегация была большой. Кроме министров и дипломатов Горбачев пригласил принять участие в этом визите и многих известных деятелей культуры, писателей, режиссеров, крупных ученых, а также большую группу ведущих журналистов.

Уже с утра 14 мая весь центр Пекина и прилегавшие к нему улицы были запружены молодежью. По приблизительным подсчетам, на улицах Пекина находилось в это время около двух миллионов молодых людей, и их действиями руководил студенческий штаб и командование молодежных народных дружин. Через советское посольство в Пекине было передано несколько обращений к Горбачеву с просьбой о встречах с представителями молодежи и о выступлениях в Пекинском университете. “Мы глубоко восхищены Вашей книгой “Перестройка и новое мышление”, – говорилось в одном из таких обращений, – и верим, что Ваш визит в Китай даст китайскому народу новые представления и идеи относительно осуществления реформ и строительства в социалистическом государстве”.

Еще при полете к Пекину Горбачев получил сообщение о том, что официальная церемония встречи советского лидера состоится прямо в аэропорту, а не в центре Пекина. Именно здесь советского лидера встретил Председатель КНР Ян Шанкунь. Прогредел 21 оружейный залп. Сам Горбачев писал позднее в своих воспоминаниях: “Кортеж автомобилей направился в резиденцию, расположенную в Дяюйтае. Мы ехали окраинными дорогами, объезжая центр города: центральные магистрали и площади оказались

заполнены демонстрантами. Студенты, как нам стало известно, готовы были оказать почести советскому лидеру, но пекинские власти не пошли на это. Возможно, они не были уверены, что смогут удержать ситуацию под контролем.

Не удалось возложить венки у памятника в честь героев революции. Я хотел это сделать, больше того, от студентов был сигнал, что мы, мол, порядок обеспечим. Но китайское руководство, видимо, опасалось, что появление Горбачева на Тяньаньмэнь еще больше взвинтит обстановку. Хозяева наши остро переживали создавшуюся ситуацию, несколько раз извинялись, говоря, что впервые в истории КНР пришлось отступить от традиционно заведенного ритуала. Во второй половине дня я встретился с Ян Шанкунем²”.

На следующий день Горбачев встретился с премьером Госсовета Ли Пэнном. Позже у него была большая беседа с Генсеком ЦК КПК Чжао Цзыяном. Однако главной частью визита была его продолжительная беседа с Дэн Сяопином, который, не занимая высших постов в государстве, оставался неоспоримым лидером нации и государства. В своих воспоминаниях Горбачев просто приводит запись основных частей этой беседы, в которой Дэн Сяопин снова призывал советского лидера “закрывать прошлое и открывать будущее”. Знакомство с содержанием всех этих бесед показывает, что китайские лидеры плохо понимали летом 1989 г. сущность и природу “перестройки” в СССР, а советские лидеры плохо понимали сущность и природу событий в Китае, которые развертывались на их глазах. Однако можно сказать и иначе: советские лидеры плохо понимали конечные цели и возможные последствия своих собственных действий, а китайские лидеры не слишком ясно понимали природу и возможные последствия массового молодежного движения. Они утратили контроль за положением в Пекине, и у них не было единого мнения по поводу того, что нужно делать, чтобы вернуть себе власть в столице страны.

Было очевидно, что Горбачев явно сочувствовал китайской молодежи. Над огромной толпой молодежи на площади Тяньаньмэнь главными лозунгами были “Ура Горбачеву!” – на русском и китайском языках, а также “За нашу и Вашу свободу!” Он был готов встретиться с представителями молодежи и даже выступить в Пекинском университете, но китайское руководство не считало возможным такого рода встречи. Тем не менее, Горбачев решил на один весьма рискованный и вызывающий поступок. Во-первых, он предложил членам советской делегации как можно больше встречаться и беседовать с молодыми манифестантами в Пекине. Во-вторых, он и сам искал какой-то возможности встретиться с молодыми манифестантами, не нарушая принятый в подобного рода государственных визитах протокол. Такая возможность представилась при посещении Великой китайской стены. Вот что он сам писал в своих воспоминаниях:

“Атмосфера встреч с молодежью везде была просто чудесной, искренней. Мне запомнилась, в частности, встреча с демонстрантами на обратном пути с Великой китайской стены. Служба безопасности, заметив впереди многочисленные колонны молодежи, хотела было направить кортеж машин куда-то в боковую улицу, но я попросил ехать прямо. Студенты, увидев мою машину, бурно нас приветствовали. Мы остановились, вышли из автомобилей, обменялись рукопожатиями. Порядок демонстранты соблюдали образцовый, сами организовали живой коридор, и мы спокойно проехали, а уж за нами – охрана.

Словом, самые разнообразные контакты с китайской молодежью подтвердили, что я правильно поступил, решив не откладывать визита в Китай, хотя у некоторых наших товарищей и возникало сомнение – не помешают ли его успешному осуществлению начинавшиеся в Пекине студенческие выступления. Откровенно говоря, из Москвы мы все же не представляли масштаб этих выступлений. Пик студенческого протеста совпал с моим приездом в Пекин, но было бы, конечно, большим упрощением и просто неправдой усматривать здесь какую-то взаимосвязь, как это пытались делать многие из тысячи двухсот иностранных журналистов, съехавшихся освещать визит.

---

² Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995, с. 434.

С чем шли люди на улицы, почему они решили приурочить наибольший размах демонстрации (по некоторым оценкам, в Пекине вышли на улицы не менее двух миллионов демонстрантов) к приезду Горбачева? В какой-то мере ответ на этот вопрос дают полученные мною обращения³».

В своих воспоминаниях Горбачев искажает даже свои собственные впечатления от событий в Китае. На самом деле он испытал шок от увиденного и пребывал в растерянности. Уже поздно вечером 15 мая в посольстве СССР в Пекине и без участия китайских представителей Горбачев собрал работников посольства, группу обеспечения визита, а также сопровождавших советского лидера деятелей науки и культуры. Бывший инструктор Отдела международной информации ЦК КПСС Юрий Тавровский через 20 лет вспоминал:

«Горбачев находился под сильным впечатлением от увиденного. Поглядывая на сидевшую рядом со мной уставшую и оттого необычайно молчаливую Раису Максимовну, он обратился к залу: “Вот тут некоторые из присутствующих подкидывали идею пойти китайским путем. Мы сегодня видели, куда ведет этот путь. Я не хочу, чтобы Красная площадь походила на площадь Тяньаньмэнь”»⁴.

Сущность разногласий между Дэн Сяопином и Горбачевым не по проблемам советско-китайских отношений (здесь между ними было почти полное согласие), а по проблемам реформаторства в авторитарной социалистической стране (сами лидеры эти проблемы не обсуждали, но в их окружении обсуждение шло очень активно) были, главным образом, в расстановке приоритетов. Дэн Сяопин заявлял и не раз, что руководство КПК должно в первую очередь провести экономические реформы и добиться очевидного для всех улучшения экономического положения в стране и очевидного для всех улучшения материального положения широких масс китайского народа. Только после этого можно будет планировать проведение каких-то демократических реформ, включая и свободу слова. У Горбачева была другая точка зрения. Он заявлял, что в первую очередь необходимо провести в стране глубокие демократические реформы, включая гласность, ибо без такой демократизации экономические реформы не будут иметь достаточного простора, не будут иметь перспектив и надежности. Без широкой демократии плодами экономических реформ воспользуется не народ, а дельцы криминальной экономики и коррумпированные чиновники.

На самом деле этот спор о “китайском” и о “горбачевском” путях реформирования авторитарного социалистического общества шел очень активно, хотя и не открыто в советских аппаратах власти, но также и в Китае. Весьма информированный на этот счет Ю.В. Тавровский свидетельствовал: Среди участников визита в Китай было “много сторонников “китайского пути”, т.е. реформирования социализма с приоритетом экономических преобразований над политическими. Они работали в ЦК, КГБ, ГРУ, в МИД и академических институтах: ИМЭМО, институтах Дальнего Востока, востоковедения. Китаистов в советские времена готовили много, сначала – чтобы “вечно дружить”, потом – чтобы вести войну холодную с возможным перерастанием в горячую. Поэтому “китайская мафия” во всех политикоформирующих организациях традиционно занимала второе место после американской. В ходе многомесячной подготовки к визиту было составлено несколько серьезных аналитических записок, рекомендовавших перенять опыт китайских реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978 г. и уже давших к тому времени зримые экономические результаты. Похоже, Горбачев колебался, намереваясь в ходе встречи с великим старцем и другими лидерами Китая всерьез поговорить о смене ориентиров перестройки, все более дестабилизировавшей СССР. Он особенно ждал встречи с Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном, которого в Москве считали китайским Горбачевым. Эти встречи состоялись, но только усугубили отторжение “китайского пути”. Дэн Сяопин в те дни, когда ему для удержания обстановки под контролем приходилось принимать жесткие и жестокие решения, вряд ли был расположен

³ Там же, с. 447–448.

⁴ *Тавровский Ю.В.* Здесь решалась судьба СССР. – Профиль, 18.V.2009.

хотя бы для приличия хвалить курс горбачевских политических реформ. Это по его приказу Чжао Цзяян на второй день визита советского лидера был арестован и смещен со всех партийных постов⁵.

Горбачев узнал о смещении и аресте Чжао Цзяяна гораздо позже – уже в Москве. Их беседа в правительственной резиденции носила во многом официальный и не особо откровенный характер. Однако Генсек КПК в тот же день вечером пригласил Горбачева в небольшой китайский ресторан. Горбачев принял это приглашение, и здесь их беседа носила гораздо более откровенный характер. Главной темой этой беседы были события на площади Тяньаньмэнь и в других университетских центрах Китая. Чжао Цзяян был решительно против каких-либо силовых действий по отношению к студенческой молодежи, и Горбачев его поддерживал. Он пригласил Чжао Цзяяна в СССР. Через два дня Горбачев улетал в Шанхай, и оттуда он должен был возвратиться в Москву. Поэтому 17 мая в Пекине состоялся большой прощальный банкет в честь советского лидера. На банкете Горбачева приветствовали премьер Госсовета Ли Пэн и председатель КНР Ян Шанкунь. Дэн Сяопин не считал нужным присутствовать на этом банкете. Но не было здесь и Чжао Цзяяна – к удивлению Горбачева, так как он уже был арестован. После возвращения Горбачева в Москву в аппаратах ЦК КПСС, в МИДе, а также на встречах ответственных работников международного и идеологического отделов ЦК КПСС со своими коллегами из социалистических стран итоги визита советского лидера в Китай весьма подробно обсуждались, но в закрытом порядке. Директива самого Горбачева, поддержанная и в Политбюро, была однозначна – объяснять всем братским коммунистическим партиям полную ошибочность, неприемлемость и даже опасность для правящей коммунистических партий “китайского образца” реформирования социалистического общества. Этот спор был, однако, решен историей иначе.

* * *

После того, как Горбачев вернулся в Москву, масштабы манифестаций в Китае сократились, но они не были прекращены, а в некоторых отношениях положение даже обострилось. Часть студентов объявила голодовку. К демонстрантам – студентам прикнули также многие деятели интеллигенции, а также часть рабочих и служащих. В Пекин из провинции железнодорожники бесплатно доставляли десятки тысяч молодых людей из провинции. Главным лозунгом демонстрантов были не свобода и демократия. Основной их лозунг был – “Долой продажных чинуш!” Но как можно было не только выполнить, но даже обсуждать это требование в условиях хаоса и беспорядков?

Как мы узнали позже, и в штабе студентов, который руководил молодежными массами, были разногласия. Непрерывные дискуссии происходили и в Пекинском, а также в других университетах. Высказывались опасения, что студенты, не искушенные в политике, становятся пешками в руках каких-то других сил. Многие родители призывали своих детей уйти с улиц и площадей Пекина. Однако в этих дискуссиях возобладали радикалы.

Горбачев уже улетел из Шанхая в Москву, когда в Пекине 20 мая с 10 час. утра было введено военное положение. Практически прекратилась работа городского транспорта. Иностранные корреспонденты, многие из которых прилетели в Пекин для освещения визита в Китай советского лидера, не могли свободно перемещаться по городу и вели свои репортажи и делали снимки, наблюдая за событиями из окон своих комнат в пекинских гостиницах. На дороге в аэропорт было много брошенных машин. По городу несколько сот студентов и студенток разъезжали на мотоциклах. Власть на улицах была в руках молодежного штаба, но что делать дальше, эти люди не знали.

Не было единства и в Политбюро ЦК КПК. За силовое подавление беспорядков или “мятежа” высказывался премьер Ли Пэн и первый секретарь Пекинского горкома КПК и член Политбюро Ли Симин. Но гарнизон Пекина уже не мог взять контроль в городе в свои руки, и доверия к нему не было. Некоторые из членов Политбюро воздержались

⁵ Там же.

от принятия ясного решения. Окончательное и твердое решение принял Дэн Сяопин, который уже не входил в состав Политбюро, но продолжал возглавлять Центральный военный Совет и обладал в Китае наибольшим авторитетом и властью. По его приказу войска пекинского гарнизона были выведены из столицы, а к городу быстро подошли несколько дивизий, в том числе и танковых, из ближайших провинций. Они получили приказ очистить центральную площадь. Очень многие из демонстрантов разошлись еще раньше, но те, кто продолжал блокировать улицы города, были разогнаны. Эта акция не обошлась без жертв, точное число которых неизвестно до сих пор. Погибли, по видимому, несколько сот человек, но в том числе и солдат НОАК, что свидетельствовало о вооруженном сопротивлении. Власть в Пекине 4 июня 1989 г. снова перешла в руки ЦК КПК и государства.

Из числа лидеров студенческого движения почти никто не погиб, они не собирались бросаться под танки, как это сделали несколько человек из рядовых участников. Эти молодые люди бежали из Пекина. Упомянутая выше Чай Лиин обнаружилась в США, где она охотно давала интервью и делала заявления. Она повторяла делать эти заявления и в 20-ю годовщину событий.

Как и следовало ожидать, события 4 июня в Пекине были резко осуждены в США и во всех почти западных странах. США и Западная Европа ввели эмбарго на все поставки оружия в КНР, и этот запрет действует до сих пор. В СССР, выступая на заседании Верховного Совета 6 июня 1989 г., Горбачев высказал сожаление по поводу событий в Пекине, о которых советская печать, несмотря на “гласность”, ничего тогда не писала или почти ничего не писала.

* * *

К осени 1989 г. прочная власть в КНР и авторитет Политбюро ЦК КПК в Китае были восстановлены. Смещенный со своих постов Чжао Цзяян находился под домашним арестом вплоть до своей смерти в 2004 г. Еще через пять лет в США были опубликованы его записки под заголовком “Пленник государства”. Бывший генсек делал записки на кассетах для домашнего магнитофона, маскируя их под детские песни или записки пекинской оперы. Однако ничего нового из этих записей о событиях 1989 г. мы не узнали. Естественно, что Чжао Цзяян оправдывает свое поведение в апреле – мае 1989 г. и осуждает решение Дэн Сяопина. Но он и не скрывает, что его целью было постепенное движение Китая к демократии западного типа⁶.

На пост Генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяопин предложил избрать Цзян Цзэминя, члена Постоянного комитета Политбюро, который ранее возглавлял шанхайскую организацию КПК. Китайские лидеры с вниманием и тревогой наблюдали осенью 1989 г. и на протяжении всего 1990 г. события в странах Восточной Европы, падение Берлинской стены, а затем и падение всех коммунистических режимов в Польше, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Румынии. Помешать такому неблагоприятному для коммунистического и социалистического движения ходу событий лидеры КПК никак не могли, и их старания были направлены на укрепление власти и влияния КПК в Китае. Еще в сентябре 1989 г., всего через несколько месяцев после трагических событий на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин заявил: “Сейчас вопрос не в том, упадет или нет знамя в Советском Союзе – хаос в СССР неизбежен, а в том упадет или нет знамя в Китае”⁷.

В 1990 г. Дэн Сяопин ушел с поста председателя Центрального военного совета КНР. Этот пост, а еще ранее пост председателя Военного совета ЦК КПК занял Цзян Цзэминь. Однако Дэн Сяопин продолжал оставаться лидером нации и государства, даже не занимая никаких официальных государственных постов.

Положение дел в стране в 1990–1991 гг. было сложным. Реформы 1978–1984 гг. сослужили большую пользу стране, но к концу десятилетия они себя исчерпали. Надо

⁶ Prisoner of the State. The Secret Journal of Zhao Ziyang. New York, 2009.

⁷ Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008, с. 43.

было искать новые рычаги, новые средства, новые идеи. Крушение КПСС и распад СССР ускорили новый поворот в политике КПК и КНР.

Инициативу нового поворота опять-таки взял на себя Дэн Сяопин, который в январе выехал в южные провинции Китая и провел там около двух месяцев. Именно здесь и уже на протяжении 10 лет проводились различного рода эксперименты по внедрению в китайскую экономику рыночных отношений. Дэн Сяопин побывал почти во всех прибрежных регионах Китая, ибо он всегда говорил, что только практика может быть критерием истины. Здесь же на юге Дэн Сяопин выступил перед руководителями партийных организаций. В частности он заявил:

“Существенное различие между социализмом и капитализмом не в том, чего больше: планирования или рынка. Плановая экономика не тождественна социализму, при капитализме тоже существует планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму, при социализме тоже есть рынок”. То, как Дэн Сяопин ответил на вопрос, по которому долгое время велись споры, показало, что влияние традиционной идеологии не является таким уж непреодолимым препятствием, и что главный вдохновитель реформ, сделал исторический поворот в момент остановки реформы.

Под влиянием южной речи Дэн Сяопина в мае 1992 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение по вопросу планирования и рынка: “Планирование и рынок – это экономические средства. Необходимо умело, используя эти средства, ускорить развитие социалистической товарной экономики”. 9 июля того же года на курсах совершенствования кадровых работников из провинции и министерств в Центральной партийной школе Цзян Цзэминь заявил: «В последнее время благодаря изучению речей товарища Дэн Сяопина у нас появились новые формулировки: *во-первых*, создание системы социалистической товарной экономики, в которой сочетались бы планирование и рынок, *во-вторых*, создание системы социалистической рыночной экономики, содержащей элемент планирования, *в-третьих*, создание системы социалистической рыночной экономики. Я лично склоняюсь к использованию формулировки “система социалистической рыночной экономики”».

В то время отдельные ученые предлагали в соответствии с реальным ходом реформ и духом речей Дэн Сяопина определить цель реформы – создание рыночной экономики.

В этих условиях в октябре 1992 г. XIV съезд КПК официально объявил: “Цель реформы экономической системы Китая – создание системы социалистической рыночной экономики”⁸.

В сентябре и октябре 1992 г. я находился в Китае и мог лично убедиться – с каким одобрением приняли эти директивы Дэн Сяопина, а затем и съезда КПК, партийные работники среднего звена. Во всех сферах социально-экономической жизни – в финансово-банковской системе, в валютной системе, в государственном и негосударственном секторах экономики, в системе ценообразования, а также в системе социального обеспечения начались реформы, которые в конечном счете укрепили и страну, и правящий в ней режим. Все, кто предполагал, что крушение КПСС и СССР вызовет в дальнейшем и крушение коммунистического режима в Китае, явно просчитались.

---

⁸ Из материалов XIV съезда КПК. Из архива автора.